

Снаружи уже стемнело, а внутри комнаты, неведомо когда, зажгли свет, и все предметы оказались под ярким белым светом, который не оставлял ничему шанса остаться незамеченным. Прежняя паника Ши Чу утихла, уступив место мрачной, безжизненной серости. Висевший над головой меч наконец упал, и с плахи скатилась голова с уже предрешенным исходом.

Телефон Цинь Юя дважды прозвенел, он взглянул на экран и сменил позу — выпрямил спину, слегка наклонившись к двери, что было явным признаком скорого ухода.

— Конечно, тебе не обязательно считать, что я прав. У тебя может быть свое мнение, но мое мнение именно такое. Так что ты понял? Мы просто не совпадаем в наших взглядах. Зачем тогда быть вместе?

Ши Чу ответил резко:

— Но я всегда был таким.

— Точно. Я сам был слишком самоуверен, думая, что смогу изменить тебя, так что у меня нет права тебя винить. Но разве сейчас не лучше? У меня больше времени на свои дела, и у тебя тоже. Наконец мы можем не «тратить» время на бесполезные чувства.

Произнося это, Цинь Юй намеренно сделал акцент на слове «тратить», и Ши Чу понял, что он повторяет его собственные слова, сказанные множество раз. Не только Цинь Юй, но и Старина Ян, и Цзян Хаоянь говорили то же самое: что это хорошо, что теперь можно сосредоточиться на себе. Все они просто озвучивали его собственные мысли, но почему сейчас ему так больно?

Телефон Цинь Юя снова зазвенел, он ответил на несколько сообщений и посмотрел в окно.

Казалось, он действительно собирается уйти.

Ши Чу неожиданно выпалил:

— Я уезжаю в Америку.

На самом деле, кандидатура на заграничную стажировку еще не была окончательно утверждена, но он хотел увидеть на лице Цинь Юя хоть что-то, кроме этого спокойствия. Хоть злость, ярость, беспомощность... что угодно, только не эту бесстрастность.

Но Цинь Юй не изменился в лице. Он продолжал смотреть в окно, и когда Ши Чу подумал, что тот его не услышал и хотел повторить, Цинь Юй лишь помахал рукой за окном, затем повернулся и спросил:

— Да? Все еще учиться?

Его тон был рассеянным, как будто это был обычный светский разговор между коллегами. Раньше он думал, что в отношениях он более хладнокровен, чем Цинь Юй, но сейчас поведение Цинь Юя заставляло его чувствовать, что он сам оказался в ловушке.

Он страдал из-за тона Цинь Юя, но одновременно злился на себя за свою слабость. Хотя на улице была зима, в его сердце царил южная летняя влажность, душная и тяжелая, мешающая дышать.

Долгое молчание заставило Цинь Юя подумать, что Ши Чу согласен с его вопросом, и он

сказал:

— Это хорошо. Ты ведь раньше думал остаться преподавать после выпуска? Опыт заграничного образования будет полезен.

Ши Чу слегка повернул голову, долгое пребывание в одной позе вызвало хруст в его затекшей шее. Приближалось время ужина, и люди в кофейне постепенно расходились, новые посетители заходили редко. Среди звуков «До свидания, приходите еще» вдруг раздалось:

— Здравствуйте, у вас есть бронь?

Ши Чу машинально взглянул на вход и увидел вошедшего.

На нем было светло-серое пальто, на волосах лежали несколько снежинок, а глаза светились молодостью и энергией.

Цинь Юй также заметил вошедшего, он помахал ему рукой, и парень подошел, удивленно взглянув на Ши Чу, затем улыбнулся и сказал:

— Здравствуйте.

— Это Цзин Хэчэн, новый стажер в моей компании. Ему всего второй курс, очень милый парень.

Ши Чу на мгновение застыл, поняв, что Цинь Юй представляет ему этого человека.

Он был ему незнаком, хотя видел его уже несколько раз.

По сравнению с предыдущим представлением, Цинь Юй описал Ши Чу всего четырьмя словами:

— Это Ши Чу.

Больше ничего.

Ши Чу все еще думал, стоит ли ему что-то сказать, пожать руку или произнести пару формальных фраз, но Цинь Юй явно не хотел тратить на это время. Он взял бумажный пакет со стола и сказал Ши Чу:

— Ладно, если что-то нужно, свяжись со мной. У меня дела, так что я пойду.

Цинь Юй уже сделал два шага, Цзин Хэчэн оглянулся на них обоих, кивнул Ши Чу и последовал за Цинь Юем.

— Цинь Юй!

Ши Чу выпалил это прежде, чем успел подумать.

Цинь Юй повернулся к нему, но Ши Чу не посмотрел на него, боясь, что, если увидит его выражение, не сможет сказать то, что хотел.

— Тогда была экстренная ситуация. В следующий раз, если у меня будут срочные дела, я предупрежу заранее.

В тишине Цинь Юй вздохнул. Он знал, что это было максимальной уступкой, на которую способен Ши Чу.

Он передал пакет стоявшему рядом человеку, тихо сказав:

— Подожди минутку.

И вернулся к Ши Чу. Видимо, чтобы не привлекать внимания, он не сел, а лишь оперся руками на стол, слегка наклонившись, почти нависнув над Ши Чу.

Он тихо произнес:

— Ты все еще не понимаешь, почему я говорю о расставании. Это не только из-за этого. Я внезапно решил. На самом деле, эта мысль давно у меня в голове, просто я не мог решиться. Ши Чу, все, что ты сейчас сказал, могу ли я понять, что ты на самом деле не хочешь расставаться? Но почему тогда ты сам собирал вещи, чтобы уйти? Видишь, когда я с тобой, у меня всегда возникают такие вопросы. Ты никогда не давал мне четкого ответа, не только в таких вещах, но даже...

Здесь Цинь Юй наконец перестал быть спокойным и равнодушным. Его руки, опиравшиеся на стол, напряглись, вены выступили, и деревянный стол начал слегка дрожать под его давлением.

— Даже за все эти годы я ни разу не был уверен, что ты меня любишь!

Последние слова он почти выкрикнул, хотя говорил шепотом, но они ударили по Ши Чу, как удар грома, сотрясая все его внутренности.

Он даже инстинктивно согнулся, прижав руку к животу, как будто это могло облегчить боль.

Цзин Хэчэн подождал немного, но, видя, что Цинь Юй не возвращается, подошел ближе и мягко напомнил:

— Цинь, время встречи подходит.

Цинь Юй выпрямился, быстро взяв себя в руки, и, учитывая присутствие других, лишь сказал:

— Если ты не понимаешь, ничего страшного. Ведь это никогда не было твоей проблемой.

Взяв пакет у Цзин Хэчэна, Цинь Юй ушел, бросив напоследок:

— Поездка в Америку — это хорошо. Желаю тебе успехов.

Дверь открылась и закрылась; холодный ветер успел проникнуть внутрь, но быстро растворился в теплом воздухе, не оставив следа; голос официанта, провожающего гостей, стих, и в зале остался только Ши Чу.

Кофемашина за стойкой тихо гудела, напротив двери на стене горел небольшой камин, в котором потрескивали дрова, официант протирал стойку, и в этом тихом окружении кофейня казалась уютной и спокойной.

Снаружи наступила ночь, шел снег, а Ши Чу остался в тепле, но, оглядываясь вокруг, видел лишь бесконечную белую пустоту.

Когда кандидатура на стажировку за границей была окончательно утверждена, на улицах уже висели красные фонари. В университете становилось все тише, и после того, как студенты ушли на каникулы, огромный кампус превратился в заведенную до конца музыкальную шкатулку, постепенно затихая.

Ши Чу последним покинул лабораторию и, идя по пустынной дорожке, получил звонок от матери Цинь Юя.

Она, похоже, еще не знала, что произошло между ними, и первым делом пригласила Ши Чу встретить Новый год вместе с Цинь Юем.

Между Цинь Юем и его родителями не было недопонимания, и в первый год их отношений он хотел представить Ши Чу своей семье. Но Ши Чу считал, что студенческие отношения не стоят того, чтобы знакомить с родителями, и это откладывалось. Лишь зимой, на последнем курсе, Цинь Юй внезапно сообщил, что его родители хотят с ним познакомиться.

<http://bllate.org/book/16893/1566459>